

УДК 343.3
ББК 67.408.143

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 294 УК РФ¹

А.П. Рожнов

В статье анализируются криминальные формы воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Выясняется соотношение составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 294, с другими преступлениями против правосудия из главы 31 УК РФ (ст. 295, 296 и др. УК РФ), а также вырабатываются рекомендации по отграничению анализируемых преступлений от иных преступных посягательств, содержащихся в главе 31 УК РФ.

Ключевые слова: правосудие, воспрепятствование осуществлению правосудия, вмешательство в деятельность суда, уничтожение доказательств, официальный документ, посягательство на жизнь, угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия, общая и специальная нормы.

Регламентируя основы конституционного строя, Конституция нашей страны провозглашает Россию «демократическим правовым государством с республиканской формой правления» (ст. 1). Как замечено в научной литературе по праву и как это выражено непосредственно в системе положений Основного Закона, сущность правового государства заключается в том, что пределы его власти, «формирование, полномочия, функционирование его органов регламентированы правом», а его высшее назначение состоит «в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 51]. В свою очередь, гарантией соблюдения и защиты прав и свобод человека, в том числе и от произвола публичной власти, гарантией самоограничения власти является существование и нормальное функционирование самостоятельного независимого суда, подчиненного только Закону.

Создание такого суда и достижение той идеальной модели правосудия, которая описывается в конституционных установлениях, – задача долговременная и трудная. Но не пос-

леднюю роль в создании подлинно независимой судебной власти, думается, должен сыграть уголовный закон, компактно группирующий в гл. 31 Особенной части УК РФ комплекс запретов, нарушения которых законодатель объявляет преступными и наказуемыми.

Одним из таких запретов является ст. 294 Кодекса, устанавливающая ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия (ч. 1), а равно и за аналогичное вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела (ч. 2).

К сожалению, нельзя сказать, что ст. 294 УК РФ является широко применяемой в практической деятельности органов уголовной юстиции. Так, по официальным статистическим данным, на территории Волгоградской области в 2010–2011 гг. не выявлено ни одного факта осуждения по ст. 294 УК РФ [22; 23]. Довольно скромно выглядят и данные о числе лиц, осужденных по какой-либо части ст. 294 УК, в общей структуре зарегистрированной преступности России: например, в 2009 г. за преступления против правосудия (ст. 294–316 УК) всего было осуждено 8 961 человек, в том числе по ч. 1 ст. 294 – 4 человека (0,04 %²), а по ч. 2 и 3 той же статьи не осуждено ни одного человека [24]. Не отличаются существенно в этом пла-

не и статистические данные 2010 и 2011 годах. Так, в 2010 г. за преступления против правосудия по нормам гл. 31 УК (ст. 294–316) всего осуждено 8 150 человек; из них же по ч. 1 ст. 294 – 2 человека (0,02 %), по ч. 2 – 2 человека (0,02 %), по ч. 3 – ни одного человека [25]. В 2011 г. наблюдается даже некоторое снижение уровня анализируемого вида преступности, поскольку за преступления гл. 31 УК в данный период было осуждено 6 539 человек, из которых лица, осужденные по ч. 1 ст. 294, составили 0,06 % (4 человека), по ч. 2 ст. 294 – 0,1 % (7 человек), по ч. 3 ст. 294 – 0,02 % (1 человек) [26].

Однако оценивать уровень, структуру и динамику преступлений против правосудия вообще, а равно и распространенность посягательства, запрещенного ст. 294 УК, в частности, необходимо с крайней осторожностью. Данные же официальной судебной статистики не могут выступать в этом деле надежным ориентиром, ибо, как подчеркивают все исследователи данной проблематики, «уровень латентности подобных преступлений является достаточно высоким» [20, с. 6] (см. также: [2, с. 48; 19, с. 9; 29, с. 14]). Поэтому не выглядит преувеличенным утверждение С.В. Векленко и А.И. Скакуна о том, что латентная часть всех криминальных фактов воспрепятствования осуществлению правосудия, подпадающих под действие ч. 1–3 ст. 294 УК, составляет порядка 73–79 % от всех фактически совершаемых посягательств [2, с. 49].

Высокая латентность воспрепятствования осуществлению правосудия объясняет и отсутствие сколько-нибудь внятных тенденций судебного правоприменения, которые указывали бы на единообразие в понимании признаков составов посягательств, запрещенных ст. 294 УК РФ. Да и ввиду ничтожно малого количества уголовных дел по этой статье вообще не приходится говорить именно о судебной *практике* ее применения, понимаемой как накопленный в ходе многократного рассмотрения однородных дел правовой опыт, который становится дополнительным нормативным источником регулирования общественных отношений [3, с. 89]. Причем настораживает прежде всего то, что определенный разницей в толковании признаков составов преступле-

ний, предусмотренных ч. 1–3 ст. 294, и в уяснении соотношений данного вида преступления с другими преступлениями из главы 31 УК РФ обнаруживается и в кассационной практике Верховного Суда РФ.

Одним из наиболее сложных вопросов в практике применения ст. 294 УК является вопрос об оценке способа совершения данного преступления в тех случаях, когда данный способ сам по себе является самостоятельным составом преступления.

Как подчеркивают все исследователи, вмешательство в деятельность суда (ч. 1) либо прокурора, следователя, дознавателя (ч. 2) в целях воспрепятствования осуществлению правосудия или производству предварительного расследования может осуществляться только путем действий, которые условно можно подразделить на две группы: действия по оказанию непосредственного или опосредованного воздействия на потерпевших с целью повлиять на их внутреннее убеждение по существу разрешаемого вопроса в рамках рассматриваемого (судья) или расследуемого (следователь) дела, а также «любое другое активное неправомерное поведение, создающее существенные препятствия для выполнения ими своей основной функции по внутреннему убеждению и в соответствии с законом» [5, с. 76].

В последнем случае и возник вопрос о том, должен ли получать самостоятельную уголовно-правовую оценку, помимо квалификации деяния виновного по ч. 1 или ч. 2 ст. 294 УК, и тот способ вмешательства, который выразился в уничтожении материалов дела, рассматриваемого или расследуемого потерпевшими? Сам по себе данный способ представляет самостоятельное преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 325 УК РФ и сущность которого заключается в похищении, уничтожении, повреждении или сокрытии официальных документов, совершенных из корыстной или иной личной заинтересованности.

Как показывает кассационная практика Верховного Суда РФ, зачастую, когда вмешательство в деятельность субъектов, указанных в ч. 1 или 2 ст. 294 УК, осуществляется посредством похищения, сокрытия и уничтожения официальных документов, орга-

ны предварительного расследования не предъявляют виновному обвинение по ч. 1 ст. 325 УК РФ, направляя уголовное дело для рассмотрения его судом только по ч. 1 или ч. 2 ст. 294 УК.

Так, приговором Ленинградского областного суда от 29 мая 2007 г., оставленным без изменения кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2007 г. [11], Ф-на была осуждена по ч. 2 ст. 294 УК РФ. Как установлено судом, в ходе расследования уголовного дела по факту убийства С. был начат следственный осмотр кабинета обвиняемой, работавшей начальником отдела администрации одного из муниципальных районов Ленинградской области. Поскольку осмотр был прерван, кабинет Ф-ной был опечатан. После ее допроса старшим следователем городской прокуратуры К. Ф-на решила похитить из опечатанного кабинета документы, касающиеся процесса выделения земельных паев и имеющих существенное значение для установления обстоятельств и мотива убийства С. После этого Ф-на передала сокрытый от следователя запасной ключ от ее кабинета главе района Б. и, сообщив Б. ложные сведения об истинных причинах невозможности личного получения ею находившихся в кабинете документов, опосредованно реализовала цель похищения таковых.

Деяние Ф-ной и в стадии предварительного расследования, и в стадии судебного разбирательства было квалифицировано только по ч. 2 ст. 294 УК РФ.

В другом случае действия адвоката Б-ва, осуществлявшего защиту М., обвинявшейся в краже, и уничтожившего (порвавшего) в целях благоприятного исхода дела для его подзащитной протоколы ее допроса в качестве подозреваемой и обвиняемой, в досудебных и судебных стадиях процесса были квалифицированы по ч. 3 ст. 294 и ч. 1 ст. 325 УК РФ. С такой квалификацией согласился и Верховный Суд РФ в кассационном определении от 19 июня 2008 г. № 83-О08-16 [12].

Несколько позже кассационным определением Верховного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 49-О10-79 [13] был изменен приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 14 апреля 2010 г., которым С. был признан ви-

новным и осужден по ч. 2 ст. 294 и ч. 1 ст. 325 УК РФ. Совершенное С. преступление выразилось в том, что он, будучи обвиняемым, при ознакомлении с материалами уголовного дела в следственном кабинете следственного изолятора вырвал из тома № 7 два листа, содержавшие уличавший его в инкриминированном ему преступлении протокол опознания, который затем сжег.

Отменяя приговор в части осуждения С. по ч. 1 ст. 325 УК РФ и прекращая уголовное дело в данной части за отсутствием состава преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что протокол опознания не является официальным документом (?!), поэтому его уничтожение не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ.

В целом аналогичная позиция была продемонстрирована Верховным Судом РФ и при разрешении уголовного дела в отношении А-ва, осужденного приговором Омского областного суда от 7 октября 2010 г. по ч. 1 ст. 30, п. «г»; ч. 3 ст. 228-1; ч. 2 ст. 294; ч. 1 ст. 325 УК РФ. Вместе с тем мотивы решения кассационной инстанции об отмене вынесенного в отношении А-ва приговора в части его осуждения по ч. 1 ст. 325 УК РФ представляются, как минимум, странными [14]. Не поставив под сомнение правильность квалификации следствием и судом первой инстанции действий А-ва как воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию уголовного дела (ч. 2 ст. 294), кассационная инстанция, мотивируя свое решение о прекращении дела в отношении А-ва по ч. 1 ст. 325 УК, указала, что ни органами следствия, ни судом не установлено, какие именно официальные документы были похищены и уничтожены А-вым из уголовного дела, в рамках которого он обвинялся по п. «г» ч. 3 ст. 228-1 УК. Помимо этого, как решила Коллегия, соответствующим действиям осужденного уже дана юридическая оценка как преступлению против правосудия.

Думается, отмеченная противоречивость кассационной практики объясняется сравнительно малым количеством уголовных дел о воспрепятствовании осуществлению правосудия, дошедших до суда. Определен-

ную пищу для таких противоречий дал и законодатель, не определив ни конкретный, ни примерный перечень способов, которыми могут быть совершены преступления, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 ст. 294 УК, указав (в термине «вмешательство») лишь только на активный характер преступного деяния.

Как представляется, решая вопрос о законности вменения ч. 1 ст. 325 наряду с ч. 1 или ч. 2 ст. 294 УК РФ в вышеописанных случаях, надо исходить из следующего.

Сама постановка вопроса о квалификации содеянного как совокупности преступлений или же как единичного составного деликта правомерна только тогда, когда одна из применяемых норм изначально сконструирована законодателем как единое составное (сложное) преступление, в рамках состава которого объединено несколько самостоятельных общественно опасных деяний [6, с. 384]. Производя классификацию составных преступлений, И.А. Зинченко, например, выделяет «составные преступления, в основе которых лежит основное действие и способ его совершения», который в отрыве от деяния сам образует самостоятельное преступление, а также «составные преступления, в основе которых лежит основное действие и иной квалифицирующий признак (квалифицирующее преступление), не являющийся способом их совершения» [там же]. В качестве примеров последней разновидности ученый приводит конструкции преступлений, ответственность за которые усиливается в силу их сопряженности с другими преступлениями (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК).

Составные деликты первой группы, по нашему мнению, также могут быть подразделены на две подгруппы: составные преступления, совершаемые посредством применения насильственного способа нарушения основного непосредственного объекта, характер и содержание которого в составном преступлении не раскрываются, а также составные преступления, способ совершения которых, являющийся сам по себе самостоятельным преступлением, определен достаточно четко (например, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК – кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище).

Применительно к ситуациям, когда насилие выступает способом посягательства

на иные, помимо здоровья и телесной неприкосновенности, блага и интересы личности, для целей отграничения совокупности от единого составного преступления теория и практика применения уголовного закона исходят из устоявшегося квалификационного правила – «если способ совершения преступления является более опасным, чем то преступление, ради совершения которого он применяется, то необходима квалификация по совокупности преступлений» [18, с. 62]. В свою очередь, для определения опасности способа предлагается сопоставление максимально суровых видов наказания (обычно лишение свободы) составного деликта и преступления-способа. Соответственно при равенстве санкций или же если санкция преступления-способа является мягче санкции составного преступления, содеянное квалифицируется как единое сложное (составное) преступление. В иных случаях требуется квалификация по совокупности составного преступления и насильственного преступления-способа.

Если же преступление-способ поименовано в составном преступлении достаточно четко, то безотносительно от величины и сопоставимости санкций, установленных за совершение таких преступлений, содеянное всегда будет квалифицироваться как составное преступление. Поэтому кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, должна квалифицироваться только по п. «а» ч. 3 ст. 158 без вменения ст. 139 УК РФ. Равно и мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, должно получать оценку только по ч. 3 ст. 159 без вменения ст. 201, 202 или 285 УК РФ [27].

Как справедливо указывает И.А. Зинченко, составные преступления всегда конкретны – «деяния, из которых они образованы, названы четко в той формулировке, которую им дает законодатель» [6, с. 383]. Иначе говоря, при конструировании составного запрета законодатель сразу же учитывает (в той или иной мере) опасность преступного способа нарушения основного блага, охраняемого этим запретом, отражая таковую в санкции составного преступления.

В иных случаях мы такого учета не наблюдаем. Во всех других случаях, когда спо-

события совершения умышленного преступления не определены (нередко по причине их многообразия, которое нельзя лаконично охватить в формулировке закона, а нередко и в силу их неизвестности, изменчивости), правотворец исходит из того, что данные способы могут быть любыми – причем как неправомерными, так и правомерными. Именно такой подход законодателя продемонстрирован в конструкциях основных составов ч. 1 и ч. 2 ст. 294 УК РФ, которые никак не могут быть отнесены к группе составных преступных посягательств.

Косвенно указывая в кассационном определении по делу А-ва на то, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 325 УК, охватывается составом вмешательства в деятельность следователя (ч. 2 ст. 294 УК), Верховный Суд РФ, по сути, уравнивал две несопоставимые и существенно различающиеся по общественной опасности ситуации – так, ситуация, когда посягательство на независимость следователя осуществляется самостоятельным преступлением-способом, не учтенным в конструкции ч. 2 ст. 294 УК, представлена как тождественная и тем случаям вмешательства в деятельность судьи либо следователя, когда такое вмешательство совершается и другими способами (например, создание нездоровой атмосферы травли со стороны соседей или в трудовом коллективе по отношению к принципиальному коллеге), безразличными для уголовного закона. Думается, такое правоприменительное решение, которое с учетом высокого положения судебной инстанции, его сформулировавшей, может стать «примером для подражания» при разрешении аналогичных дел, абсолютно неприемлемо и не отвечает ни принципу законности (ст. 3 УК), ни принципу справедливости (ст. 6 УК).

Нельзя согласиться и с позицией Верховного Суда РФ, продемонстрированной по делу С., заключающейся в непризнании протокола следственного действия официальным документом, что и обусловило кассационное решение о прекращении уголовного дела в отношении С. по ч. 1 ст. 325 УК. Бесспорно, подобные выводы Судебной коллегии по уголовным делам, очевидно, не основаны на нормах права. Как указывается в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ

«Об обязательном экземпляре документов» (в ее взаимосвязи со ст. 1 того же Закона) [31], официальный документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения, принят органами законодательной, исполнительной и судебной власти и носит обязательный, рекомендательный или информационный характер.

Как отмечает В.С. Комиссаров, в сфере регулирования уголовно-процессуальных отношений официальный документ представляет собой «надлежащим образом оформленный материальный носитель, свидетельствующий о наличии либо отсутствии каких-либо фактов, имеющих юридическое значение» [16, с. 257]. Порождают ли обязательные юридические последствия протоколы следственных действий, удостоверяющие факты, которые составляют предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК)? Ответ достаточно прост и очевиден: и вместе, и в отдельности, являясь судебными доказательствами, данные протоколы влияют на принятие множества процессуальных решений (от возбуждения дела до предъявления обвинения, избрания мер пресечения, постановления судебного приговора и проч.), обуславливая те или иные формы, этапы и степень полноты реализации уголовной ответственности.

Таким образом, при посягательстве на независимость и самостоятельность судьи, следователя, дознавателя способом, который сам по себе образует самостоятельное преступление, содеянное во всех случаях должно квалифицироваться по совокупности ч. 1, 2 или 3 ст. 294 и по статье Особенной части УК, предусматривающей ответственность за то деяние, которое выступило способом воспрепятствования осуществлению правосудия.

Отсюда правильно, на наш взгляд, поступили суды первой и кассационной инстанций, когда согласились с данной на следствии квалификацией действий Т-ва по ч. 2 ст. 294 и ч. 2 ст. 167 УК, выразившихся в поджоге кабинета следователя, в котором хранилось уголовное дело по обвинению Т-ва в совершении

преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ [15].

В теории и практике применения уголовного законодательства был поднят вопрос о соотношении составов воспрепятствования осуществлению правосудия (ч. 1, 2 ст. 294) с другими составами преступлений против правосудия из гл. 31 Кодекса – в частности, с запретами, находящимися в ст. 295–297, 298.1, 302, 303, 307–309, 311 и 316 УК.

Палитра мнений ученых по затронутой проблеме отличается значительным многообразием.

Как полагает, например, Б.С. Райкес, употребленная в диспозициях основных составов ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ абстрактная формулировка способов вмешательства «в какой бы то ни было форме» дезориентирует правоприменителя, почему автор предлагает дополнить ч. 1 ст. 294 УК оговоркой «за исключением действий, предусмотренных статьями 295–298, 302, 303, 307–309, 311 и 316 настоящего Кодекса» [28, с. 54]. Развивая логику вносимого предложения, Б.С. Райкес приходит к выводу, что запрещенные в указанных нормах деяния являются особыми формами вмешательства в осуществление правосудия, почему основные составы преступлений из ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ соотносятся с запретами, помещенными в ст. 295–297, 302, 303, 307–309 УК, как общие и специальные нормы [28, с. 53–54; 29, с. 17]. Отмеченное исключает возможность квалификации указанной группы преступлений по совокупности со ст. 294 УК РФ.

В тех случаях, когда вмешательство в деятельность суда или следователя, дознавателя реализуется применением угрозы убийством, причинением вреда здоровью, применением насилия, не опасного либо опасного для жизни или здоровья, содеянное, по мнению Л.В. Лобановой и А.И. Чучаева, образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 294 и 296 Кодекса [5, с. 85; 32, с. 10].

Довольно оригинальные соображения по проблеме соотношения основных составов воспрепятствования осуществлению правосудия с другими преступлениями из гл. 31 УК РФ высказаны Ю.И. Кулешовым. Апеллируя к прецедентам судебной практики, названный

ученый высказанную судье угрозу убийством в случае принятия решения, отличающегося от желаемого виновным, предлагает квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 294 и ч. 1 ст. 296 УК РФ. При этом фальсификация доказательств (ст. 303 УК), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК) видятся ученому специальными видами вмешательства в осуществление правосудия, почему при совершении таких деяний дополнительной квалификации по ст. 294 УК не требуется [19, с. 43].

Сужая выделенный Б.С. Райкесом круг специальных видов воспрепятствования до преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 295, 296 УК РФ, С.В. Векленко, Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Скакун предлагают рассматривать приведенные запреты (специальные формы незаконного вмешательства в деятельность суда и следственной власти) как специальные по отношению к ст. 294 УК РФ [2, с. 49; 17, с. 523; 30], что в силу ч. 3 ст. 17 УК обязывает квалифицировать такое воспрепятствование по соответствующим частям ст. 295 или 296 без ссылки на ст. 294 УК.

Именно последняя точка зрения, основывающаяся, кстати, и на тенденциях кассационной практики Верховного Суда РФ, представляется нам наиболее верной.

Как единодушно отмечают российские криминалисты, убийство и покушение на убийство судьи, следователя, лица, производящего дознание (ст. 295 УК РФ), угроза применения конкретизированных видов психического и физического насилия в отношении судьи (ч. 1 ст. 296), следователя, лица, производящего дознание (ч. 2 ст. 296), а равно и само применение насилия, не опасного (ч. 3 ст. 296) либо опасного (ч. 4 ст. 296) для тех же лиц (наряду с другими потерпевшими, называемыми в диспозициях ст. 295, ч. 1 и 2 ст. 296 УК), только тогда переводит соответствующие деяния в ранг преступлений против правосудия, когда совершается либо с целью воспрепятствования законной деятельности указанных лиц, либо по мотиву мести за их деятельность по осуществлению правосудия или производству предварительного расследования (см., напр.: [4, с. 160, 162; 5, с. 103–104, 115–116; 17,

с. 525–527; 19, с. 25; 32, с. 14–15; 33, с. 495, 497; и др.]). Хотя четко цель воспрепятствования правосудию или производству предварительного расследования в данных статьях и не указывается, но ее обязательность как признака основных составов преступлений (альтернативно мести за такую деятельность), предусмотренных ст. 295, ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, закономерно выводится из филологического толкования их диспозиций. Последние же содержат словосочетание «в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования».

Наконец, только наличие цели воспрепятствования правосудию или предварительному расследованию позволяет хоть как-то оправдать помещение законодателем вышеназванных запретов в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия» и подчеркнуть нелогичность законодательных решений в части отнесения к преступлениям против правосудия указанных в ст. 295, 296 УК РФ действий, совершаемых по мотиву мести за отмеченную деятельность, на что в свое время справедливо обратила внимание Л.В. Лобанова [21, с. 14–15]. И в самом деле, как может пострадать уже свершившееся правосудие или оконченное предварительное расследование в тех случаях, когда посягательства на личности потерпевших обусловлены мотивом мести со стороны виновного?

С учетом приведенных соображений можно лишь только отчасти согласиться с позицией тех исследователей, которые указывают, что основным объектом преступлений, предусмотренных ст. 295, 296 УК РФ, выступают такие блага, как жизнь, психическая безопасность и здоровье указанных в статье лиц [5, с. 89, 106 и сл.]. Изложенное, безусловно, верно для случаев совершения соответствующих посягательств по мотиву мести за уже состоявшуюся деятельность в сфере правосудия. Однако такой подход неприменим к тем ситуациям, когда убийство, покушение на убийство, угрозы и насилие адресуются потерпевшим (судье, следователю, лицу, производящему дознание) для целей пресечения их законной деятельности либо направления таковой в выгодное для виновных русло. В последнем случае личные неимущественные пра-

ва и нематериальные блага потерпевших (жизнь, здоровье, психическая безопасность) выступают хотя и обязательным, но все же дополнительным объектом охраны для нормативных предписаний ст. 295, 296 УК. Основным же непосредственным объектом такого рода деяний, как и в составе преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, будут «общественные отношения, обеспечивающие независимость судебной власти, защищенность правосудия от неправомерного вмешательства кого-либо» [5, с. 75–76]. Как уже указывалось, это логично следует из помещения соответствующих предписаний в гл. 31 УК, ибо именно межгрупповой объект, вынесенный в название главы, определяет принцип аккумуляции в ней комплекса видовых запретов, которые лежат в одной плоскости с более общим, родовым, благом и, таким образом, «поглощаются» им.

Наконец, анализ местонахождения ст. 295, 296 в структуре Особенной части Кодекса предопределяет и вывод о том, что законодатель именно таким образом защищает жизнь, здоровье, психическую безопасность судьи, следователя, дознавателя и других потерпевших не во имя их самих, а лишь постольку, поскольку в связи с посягательствами на личность потерпевших может пострадать правосудие в его широком понимании. Иное понимание сущности анализируемых запретов сделало бы абсолютно нецелесообразным и бессмысленным их существование в главе 31 УК!

Отсюда, как видится нам, предписания ст. 294 и предписания ст. 295, 296 УК соотносятся между собой как общая и *относительно-специальные* нормы. Состав посягательства на жизнь (ст. 295) и состав угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296) именованы нами как относительно-специальные, поскольку со ст. 294 УК данные запреты конкурируют не в полном объеме, а лишь в той части, в которой они запрещают поименованные в ст. 295, 296 посягательства, совершаемые, во-первых, для целей воспрепятствования правосудию и предварительному расследованию, а во-вторых, направленные против судьи, следователя и дознавателя.

Таким образом, вмешательство в законную деятельность суда, следователя и дознавателя способами, указанными в ст. 295, 296, конкурирует со ст. 294 УК РФ и должно оцениваться только по ст. 295 либо по ст. 296 Особенной части Кодекса.

Именно из такого понимания соотношения норм ст. 294 и ст. 295, 296 УК исходит и судебная практика Верховного Суда РФ.

Так, Н-н решил расправиться с судьей Г., в производстве которого находилось уголовное дело по обвинению брата Н-на в совершение особо тяжких преступлений. Реализуя умысел, Н-н составил план убийства, проследил маршрут и время движения судьи с работы и на работу, отыскал деньги для уплаты за исполнение преступления и часть передал в качестве аванса. Поскольку передача денег проходила под контролем сотрудников правоохранительных органов, убийство судьи не состоялось.

Первоначально действия Н-на были квалифицированы только по ч. 3 ст. 33 и ст. 295 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала деяние Н-на на ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, ст. 295 УК РФ, не поставив, однако, под сомнение наличие у осужденного цели воспрепятствовать осуществлению правосудия [8].

Аналогичный подход был проявлен следствием и судами первой и кассационной инстанций по делу В-ко, который неоднократно требовал от следователя В. освободить из-под стражи обвиняемого П., задержанного, а затем и арестованного по ходатайству следователя. Для устрашения следователя и в целях добиться освобождения П. из-под стражи В-ко высказывал следователю В. угрозы убийством и, управляя автомобилем типа «джип», двигаясь на большой скорости, неоднократно попытался совершить наезд на потерпевшего. На следствии, с которым затем согласились суды первой и кассационной инстанций, деяния В-ко были квалифицированы как реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 295, ч. 2 ст. 296 УК [10].

Не может, по нашему мнению, быть принято предложение отдельных авторов о рассмотрении составов воспрепятствования правосудию и производству предварительного расследования (ст. 294), с одной сто-

роны, и составов преступлений, предусмотренных ст. 297, 298.1, 302, 303, 307–309, 311, 316 УК РФ – с другой, как общей и специальной нормы.

Ученые, высказывающие такие предложения, не учитывают, как нам кажется, сложившихся традиций законодательной техники в сфере построения уголовно-правовых предписаний. Прежде всего, из виду упускается то, что общий и конкурирующий с ним специальный запрет, находящиеся в одной главе Особенной части Кодекса, защищают одно и то же благо. Самобытность деяния специального состава преступления, являющегося «особой разновидностью», «частным случаем» деяния общего состава (при совпадении друг с другом обязательных признаков общего и специального составов), может обусловить появление в специальном составе дополнительного объекта. Однако при этом основные непосредственные объекты этих составов (для обоснованности их соотношения по типу «общий – специальный») должны совпадать. Между тем названные выше (в качестве специальных) нормы направлены на защиту несколько иных благ, нежели защита независимости и процессуальной самостоятельности суда, следователя и дознавателя, на что аргументированно обращено внимание учеными, предложившими свои классификации преступлений из главы 31 УК РФ по критерию особенностей структуры межгруппового объекта (см.: [5, с. 56–73; 20, с. 40–51; 21, с. 33–48]).

Высказанное Ю.И. Кулешовым и отчасти Б.С. Райкесом квалификационное предложение неприемлемо и потому, что, по большому счету, любой деликт из гл. 31 УК посягает на правосудие (в широком понимании) как на межгрупповой объект, а значит, и создает препятствия для его нормального развития и реализации его итогов, однако «качество посягательства на “правосудие вообще” вряд ли принадлежит какому-либо из преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 294–316 УК РФ» [20, с. 31].

Возражая Ю.И. Кулешову, заметим, что вопреки его утверждениям судебная практика как раз таки и не усматривает взаимодействия ст. 294 со ст. 297, 298.1, 302, 303, 307–309, 311, 316 УК РФ по типу общей и специальной нор-

мы. Например, Верховный Суд согласился с приговором Алтайского краевого суда, которым адвокат О. по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 294, ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 307, был оправдан за отсутствием составов таковых. Разрешая дело, суд первой инстанции усмотрел в действиях адвоката О. лишь стадию приготовления к подстрекательству свидетеля М.А. к даче ложных показаний в стадии предварительного расследования, что в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ является непроступком. Те же действия не были расценены судами как преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 294 УК, поскольку никакого воздействия на следователя адвокатом О. оказано не было. Возможное же подстрекательство свидетеля (в стадии приготовления) к даче ложных показаний не было воспринято судами в качестве вмешательства в деятельность следователя (ч. 2 ст. 294), хотя именно на этом настаивал автор кассационного представления [7].

При рассмотрении в кассационном порядке другого уголовного дела, отменяя приговор суда первой инстанции и прекращая дело в отношении осужденных Ю. и Щ. по ч. 2 ст. 294 УК РФ за отсутствием в их действиях состава соответствующего преступления, Верховный Суд также достаточно определенно выразил свое мнение о том, что принуждение свидетеля к уклонению от дачи показаний не образует объективную сторону инкриминированного осужденным преступления [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная статья публикуется в рамках проекта № 12-03-00656, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

² Здесь и далее приводится процентное соотношение числа лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1, 2 или 3 ст. 294 УК РФ, по отношению к общему числу всех преступлений против правосудия (гл. 31 УК РФ), совершенных за указанный год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтин, М. И. Правовое государство: понятие, принципы, формирование / М. И. Байтин

// Вопросы общей теории государства и права. – Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2006. – С. 47–58.

2. Векленко, С. В. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ); разграничение со смежными составами и предложения по совершенствованию / С. В. Векленко, А. И. Скакун // Российская юстиция. – 2007. – № 8. – С. 48–50.

3. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 205 с.

4. Голоднюк, М. Н. Преступления против правосудия (глава III) / М. Н. Голоднюк // Курс уголовного права. Особенная часть : учеб. для вузов. В 5 т. Т. 5 / под ред. Г. И. Борзенкова и В. С. Комисарова. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 144–207.

5. Горелик, А. С. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2005. – 491 с.

6. Зинченко, И. А. Единые (единичные) и составные преступления / И. А. Зинченко // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. – СПб. : Издание проф. Малинина, 2005. – С. 276–439.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2003 г. по делу № 51-КПо03-16. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2004 г. по делу № 58-О03-101 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru>. – Загл. с экрана.

9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2006 г. по делу № 56-о05-94. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2006 г. по делу № 58-О06-42 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru>. – Загл. с экрана.

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2007 г. по делу № 33-О07-22. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

12. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2008 г. по делу № 83-О08-16. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июля 2010 г. по делу № 49-О10-79. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 января 2011 г. по делу № 50-О10-83. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. по делу № 50-О10-86. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов». – Загл. с экрана.

16. Комиссаров, В. С. Преступления против порядка управления / В. С. Комиссаров // Курс уголовного права. Особенная часть : учеб. для вузов. В 5 т. Т. 5 / под ред. Г. И. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 208–277.

17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. – М. : ТК «Велби» : Изд-во «Прспект», 2004. – 640 с.

18. Корнеева, Т. А. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / Т. А. Корнеева ; под ред. А. И. Рарога. – М. : ТК «Велби» : Изд-во «Прспект», 2006. – 176 с.

19. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации : учеб. пособие / Ю. И. Кулешов. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2001. – 152 с.

20. Лобанова, Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л. В. Лобанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 268 с.

21. Лобанова, Л. В. Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация : учеб. пособие / Л. В. Лобанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 62 с.

22. Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановле-

ниям за 12 месяцев 2010 г. // Официальный сайт Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Волгоградской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://usd.vol.sudrf.ru>. – Загл. с экрана.

23. Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности, за 12 месяцев 2011 г. // Официальный сайт Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Волгоградской области. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://usd.vol.sudrf.ru>. – Загл. с экрана.

24. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2009 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>. – Загл. с экрана.

25. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 12 месяцев 2010 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>. – Загл. с экрана.

26. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2011 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>. – Загл. с экрана.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. – 2008. – № 4.

28. Райкес, Б. С. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) / Б. С. Райкес // Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2005. – С. 33–59.

29. Райкес, Б. С. Формы воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) / Б. С. Райкес // Российский судья. – 2003. – № 9. – С. 14–17.

30. Скакун, А. И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скакун Александр Игнатьевич. – Омск, 2008 // Официальный сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Disser/skakun.htm. – Загл. с экрана.

31. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

32. Чучаев, А. И. Преступления против правосудия : Научно-практический комментарий

/ А. И. Чучаев. – Ульяновск : Дом печати, 1997. – 80 с.

33. Чучаев, А. И. Преступления против правосудия / А. И. Чучаев // Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рапог. – М. : ТК «Велби» : Изд-во «Перспект», 2010. – Гл. 19. – С. 492–536.

TOPICAL ISSUES OF THE APPLICATION OF SECTION 294 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE

A.P. Rozhnov

The criminal forms of the obstruction of justice and preliminary investigation are analyzed in this article. The correlation of the crimes under section 294, parts 1 and 2 and the other crimes against justice from Chapter 31 of the Russian Criminal Code (sections 295, 296 and so on) is found out by the author. The author develops some recommendations on the separation of the considered crimes and the others crimes contained in the Chapter 31 of the Russian Criminal Code.

Key words: *justice, obstruction of justice, interference in justice, destruction of evidence, the official document, infringement on life, threat or violent acts in connection with justice, general and special rules.*